

влиянии армянской диаспоры (на городскую культуру Золотой Орды) В фондах Темрюкского музея хранятся два обломка от одной мраморной плиты (рис.1), бывшей крестным камнем (ТКМ-95 - верхний; ТКМ-99 - нижний). \* Сведения о месте и времени находки не сорани-лись. Фрагменты позволяют почти полностью восстановить резное горельефное изображение. На лицевой стороне плиты был изображен крест с удлинненным основанием и расширяющимися раздвоенными концами. Поверхность креста украшена углубленными резными линиями. Края выделены плавным желобком. От раздвоенных концов креста отходят трехпалые листы (или схематично выполненные кринь), из которых средние имеют миндалевидную форму, а боковые изображены в виде валютообразных завитков. В средние части концов креста "вплетены" сердцевидные виньетки с таким же трехпалым листком в центре. Свободные пространства поверхности креста заполнены орнаментом в виде "скобок с зубчиками". Семантически это тот же орнамент, что и сердцевидная виньетка или лист. Разница состоит только в ориентировке, компоновке и расположении элементов орнамента. Но и сама эта разница может быть легко объяснена, если учесть, что эталоном моды декора были узоры на тканях, преимущественно византийского происхождения. В результате та свобода, с которой крест мог перегруппировать отдельные элементы орнамента, распространялась и на продукцию резчика по камню, живописца, гончара, миниатюриста и т.д. "Скобка с зубчиками" является самым простым элементом орнамента - она охватывает половину листа (если зубчик один - трехпалого, два - пятипалого и т.д.). В зависимости от того, как сгруппированы "скобки", могут быть получены изображения листов (при желании они могут быть истолкованы как широко распространное "древо жизни") или вьющегося стебля с побегами (рис.2). Для большей узнаваемости стебля с побегами в средней части бордюра может быть помещена волнистая линия, что достаточно часто встречается на изображениях в византийских фресках, миниатюрах, керамике и т.п. (а также могут быть добавлены дополнительные "зубчики" для выделения фона, не занятого ни листом, ни стеблем. Т.е. в данном случае выделяется не орнамент, а его фон). Такая степень абстракции была вполне естественна для ткачества, т.к. именно там фон и изображение отличаются только цветом нитей,

- 45 - а субординация этих компонентов изображения стиралась сама собой.

Такие побеги (но без лозы) отходят от вершины сердцевидной виньетки на концах креста. На крестном камне скобочки изображены несмещенными - одна напротив другой, что может быть свидетельством заимствования орнамента с ткани. В случае совмещения несомкнутых сторон скобочки получили бы все тот же трех- или пятипалый лист. Детали орнамента не случайно рассмотрены так подробно. Часто именно с помощью орнаментов пытаются определить время и место происхождения предмета. К сожалению, большинство элементов декора, использованных на хачкаре, при отдельном рассмотрении не может служить для таких определений. Происхождение этих видов орнамента не может быть определено точно, т.к. ткани с такими узорами были распространены чрезвычайно широко. Очевидно, что появление их уходит в эпоху эллинизма. Наибольшее развитие, впрочем, они получили в Византии, ее культурных провинциях и соседних странах: Древней Руси, Болгарии, Грузии, Армении, Малой Азии и т.д. Копии этого орнамента могли быть легко воспроизведены на территориях, попадавших под культурное влияние эллинизма, т.к. мотивы, связанные с виноградной лозой, от натуралистичных до стилизованных образцов мы можем найти уже на таких памятниках, как Пальмира, Хатра и т.д. (Шлюмберк 1985, 80, 81, 88-90, 124). Свободная группировка элемента "скобки с зубчиками" появляется во время Македонской династии и получает широкое распространение при Комнинах, а затем присутствует в византийском искусстве вплоть до второй половины XV в. На свободных плоскостях хачкара между лучами креста помещены четыре креста меньшего размера, попарно симметричные. В обеих парах кресты с расширяющимися раздвоенными концами, с желобком попериметру. Нижняя пара усложнена "сердцевидными" виньетками на концах. Кроме того, под нижними крестами изображены раздваивающиеся и расходящиеся в стороны стебли (лоза с виноградными гроздьями и отходящими от них небольшими листьями-побегами). Общеизвестно, что такие стебли на армянских хачкарах символизируют искупительную жертву Иисуса Христа (Якобсон 1956, 166-191). Грозди и петли лозы были одним из самых характерных признаков армянской резьбы по камню XIII века (Март 1934, 105, рис. 236-7; Март 1913, 42-3, рис. 37-8). Более поздние датированные изображения виноградной грозди на хачкарах неизвестны, что позволяет датировать камень по этому признаку. Естественно, изображение грозди исчезло в армянской резьбе Крыма полностью. На деревянных дверях монастыря Сурб-Хач в Старом Крыму, относимых к XVI в., вырезана сетка, в каждой ячейке которой помещена виноградная

гроздь (Домб-ровский 1978,93). Но стилистические особенности этого памятника бросаются в глаза, а сходство темрюкского камня с анийскими ана-логиями также очевидно. Сравнивая изображение на камне с анийскими образцами, следует отметить некоторые особенности: 1) присутствие изображений ле-пестков у перекрестия; 2) отсутствие орнаментов-сеток на свобод-ных плоскостях; 3) ограниченное (небольшое) количество элементов плетенки. В нижней части лицевой плоскости камня располагалась ар-мянская надпись в одну сторону (именно на этом месте встречались

- 46 -пространные надписи на хачкарах из Ани (Март 1913,40-41). Сохранилось только несколько прописных букв, которые не позволяют восстановить смысл надписи в целом. Возможны два предположитель-ных варианта прочтения: ( 1арти 0) - нивы; ( 1Мартирос 0) - армянское имя(второй вариант предложен О.А.Саргсяном,устное сообщение). Сочетание армянской надписи и характерных признаков изображе-ния виноградной грозди и лозы, а также крестов позволяет сделатьбеспорную атрибуцию: камень был посвящен армянину и изготовленармянином, хорошо знакомым с традициями резьбы по камню на родинеи, видимо, освоившим это ремесло в Закавказье. Вероятно, на одномиз поселений в районе Таманского полуострова должна была нахо-диться община армян-переселенцев. Поскольку место находки неиз-вестно, можно лишь предполагать, что это была Матрега или Копа,так как именно эти города были вовлечены в морскую международнуюторговлю. Датировка камня может быть определена условно. Представлениео крестных камнях из самой Армении дают опубликованные материалыиз Ани. Там подобную находку следовало бы отнести к XIII веку.Однако, во-первых, возможны более поздние датировки в Ани, где жизнь резко замирает только после землетрясения 1319 г. (Чубинов1918,19; ср.:Март 1913,42); во-вторых - культурные слои до XIV в.в золотоордынских городах степной зоны являются редчайшим исклю-чением. К тому же виньетки на концах нижних крестов хачкара нахо-дят ближайшие аналогии на камнях в Каффе XIV в. (ср. Айбабина1979,7, рис.85). Следовательно, наш камень должен относиться,ско-рее всего, к первой половине XIV в. Хачкар из Темрюкского музея обращает внимание на одну из сто-рон демографических процессов, протекавших в улусе Джучи. Внастоящее время очевидно, что культура Золотой Орды - прежде все-го городская. Вместе с тем очевидно, что быстрый рост городов немог быть результатом только естественного прироста населения иоседания кочевников. Традиционно признается, что значительнуючасть горожан составляли переселенные представители покоренныхнародов, главным образом половцы. (Fyodorow-Davydov 1984). Этодействительно так, но половцы, не имевшие развитой традиции осед-лости в предшествующее время, едва ли могли претендовать на рольосновных созидателей городской культуры. Русские переселенцы (покрайней мере в тех местах, где они фиксируются археологически(Полубояринова 1978;1972) были носителями самостоятельной культу-ры, во многом неподатливой на смешение с традициями монгольскихгородов. Архитектура и планировка городов в значительной мере на-ходилась под влиянием среднеазиатской и монгольской части населе-ния, но далеко не для всех элементов этой области культуры можнонайти источник в их предшествующих традициях. При этом обычно остается в стороне от внимания исследователейвозможность переселения в Золотую Орду народов, не покоренныхДжучидами. Естественно, скудость письменных источников, касаю-щихся этого вопроса, и трудность интерпретации археологическогоматериала едва ли позволяют дать точную количественную характе-ристику процесса. Но следует отметить ряд явлений, которые труднообъяснить как-то иначе, чем переселением горожан из Закавказья иМалой Азии (или иных территорий за пределами Золотой Орды). Зара-нее отмечу, что большая их часть имела армянское происхождение.

- 47 - Общепризнанно, что значительную часть горожан в Крыму состав-ляли именно армяне. Этому вопросу посвящена многочисленная лите-ратура (Якобсон 1956; Домбровский 1978, 55-60; Микаелян1974;1965; Абрамян 1973; Поркшеян 1962,117; Корхмазян 1970). Хотяпоявление здесь первых переселенцев относится к домонгольскому времени, очевидно, что массовое движение армян в Крым из Закав-казья началось именно в XIII-XIV вв. в связи захватом этих об-ластей Хулагуидами (Якобсон 1956,60; Домбровский 1978). Огромное влияние армян на культуру средневекового Крыма ни укого не вызывает сомнений. Темрюкский хачкар и серия находок,речь о которых пойдет ниже, свидетельствуют о таком влиянии внесколько иной географической зоне - в золотоордынских городах,расположенных в степи или на ее границах. Сложность выявленияфактов, отражающих это влияние, состоит в том, что многие чертыкультуры, принесенные вместе с эмигрантами, в домонгольское времябыли не национальными, а территориальными. Но тем не менее про-исхождение их с территории исторической Армении

(беженцы оттуда были почти исключительно армянами-христианами) позволяет говорить о связи этих черт с влиянием армянской диаспоры. Поэтому зачастую рассматриваемое явление можно проследить по предметам, на первый взгляд, нейтральным с точки зрения этнической характеристики. Далее вместе с прямыми фактами, указывающими на деятельность армян в Золотой Орде, я рассматриваю и те черты культуры, которые свидетельствуют об этой деятельности косвенно, а в дальнейшем могут дать более емкую информацию по проблеме.

1. На северной окраине Золотой Орды, в городе Болгаре, в XIV в. существовала армянская колония. Археологически исследована "Греческая палата" - остатки армянской церкви и прилегающая к ней территория с могильником, в котором преобладал "арменоидный тип" погребенных (Смирнов 1958, 343-344). На территории Волжской Булгарии найдена серия армянских надгробий, часть которых имела арабские надписи (Смирнов 1958, 331). Основание этой колонии (как и в Новгороде Великом и Киеве) может быть отнесено еще к X в. (Очерки истории СССР 1953, ч. 1). Между тем все находки относятся к XIV в.

2. Общественная архитектура Золотой Орды является продолжением традиций "сельджукского" стиля почти на всей территории государства (Смирнов 1958, 330-331; Зиливинская 1991, 12-22). Именно относящихся к нему памятниках мы находим аналогии планировке бань, мечетей и других общественных сооружений, построенных в степных городах (Зиливинская 1991, 12-22; Егеров 1958, 377-382; Бырня, Зиливинская 1988, 25-26; Зиливинская 1989, 1989а; Тореманян 1976; 1978; 1957; 1978а).

3. Архитектурный декор Золотой Орды находит близкие аналогии также в памятниках "сельджукского" стиля. При этом необходимо учитывать, что в формировании "сельджукского" стиля армяне принимали весьма деятельное участие (Март 1934, 36-37; Орбели 1978, 4-5). Например, Тагавур ибн Стефан был строителем сельджукского медресе в Малатии, в Икони работал архитектор Галуст (Март 1934, 36). Этот список может быть дополнен Калояном (Галояном), Гелуком ибн Абдаллахом и другими (Хачатрян 1987, 43). Вполне вероятно, что среди архитекторов, упоминаемых в надписях, было много больше армян, так как в их среде легко воспринимались

- 48 - мусульманские имена (Grenard 1901, 551). Это же явление получило распространение в Крыму в сходном виде - здесь в армянской эпиграфике начинают появляться тюркские имена (Якобсон 1956, 58). В связи с этим интересна случайная находка мраморной капители колонны из Азова (рис. 3). Судя по сохранившемуся обломку, ствол колонны в верхней части был восьмигранным, а сама капитель имеет форму усеченного конуса, расширяющегося кверху (что очень характерно для малоазийских памятников XIII в. (Rice 1968, 166, 174, 179), и покрыта резным выпуклым орнаментом все в том же "сельджукском" стиле. Наиболее близкие аналогии этому орнаменту широко представлены в Крыму - это наличник западной входы церкви Иоанна Предтечи и резные деревянные двери церкви Михаила и Гавриила в Феодосии (Якобсон 1956, рис. 9, 16), на портале мечети Узбека в Солхате (Якобсон 1964, табл. XXVI; Сидоренко 1988, 126), капители портала монастыря Сурб-Хач, образцы из раскопок старокрымского медресе, находки из Чуфут-Кале и др. (Сидоренко 1988, 126). Следовательно, в золотоордынском Азаке должны были работать армянские резчики по камню. Не исключено, что они участвовали в возведении зданий собственно христианского культа. О существовании по крайней мере одной армянской церкви в Азове, построенной в честь Святого Григория Просветителя, сообщается в трехпамятных записях армянских рукописей, находившихся в Азове (Фомичев 1992, 49; Хачикян 1950, 329-330). \*\* Известно, что в 1341 г. (при хане Узбеке) настоятелем в ней был Тер Саргис, сын священника Тер Мануэля, видимо, служившего здесь же. При церкви Григория Просветителя работал также и писец Тертер Ереванци, оставивший одну из записей. Кроме того, известно, что в конфликте 1342 г., происшедшем в Азаке между венецианцами и татарами, пострадали армянские купцы, а после восстановления отношений хан установил специальный налог на венецианские товары для покрытия ущерба (Сборник венецианско-генуэзских грамот 1858, 183). Армянская церковь и прихожане в Азове фигурируют при описании конфликта, происшедшего в 1355-56 гг. между митрополитом Алании Симеоном и священниками Таны (Древние акты 1867). Можно уверенно говорить о существовании армянской архитектуры в золотоордынском Азаке. Не только архитектурный декор, но и вообще резные каменные изделия в городах Золотой Орды несут черты "сельджукского" стиля, распространенного в Крыму и Закавказье и связанного с армянскими резчиками. В Ставропольском музее хранится происходящая из Маджара ступа из известняка-ракушечника (Инв. № 3538), украшенная с внешней стороны резными побегими все с тем же набором аналогий, что и капитель колонны из Азова (рис. 4). \*\*\* Сходные орнаменты использовались для декора многочисленных каменных надгробий из Маджара и Азака. Следовательно, ремесленники по камню в Золотой Орде также находились под преимущественным

влиянием эмигрантов из Закавказья и Малой Азии. Даже золо-тоордынские изделия из резного ганча находят прямые аналогии на территории Армении, в Двине (Федоров-Давыдов 1976, Монгайт 1955). Существуют и более общие черты архитектурного декора Золотой Орды, которые связаны с проникновением населения и традиций из Закавказья и Малой Азии. Широкое распространение кашинной мозаики майоликовых изразцов в городах Поволжья (и степной зоны) не-возможно признать заимствованием из Средней Азии, т.к. там до при-  
- 49 -хода монголов в архитектурном декоре господствовала резная терра-кота (Носкова 1976,28), а полихромная кашинная мозаика появляется только в конце XIV в. (Федоров-Давыдов 1978,35). Там глазурованные мозаики раньше всего появляются в Хорезме, но это происходит од-новременно и в поволжских городах и именно в то время, когда Хо-резм вошел в состав Золотой Орды (Носков, 1976). Простейшие кашин-ные и красноглиняные поливные облицовочные кирпичи в Золотой Орде чаще всего имеют продольные боковые пазы, появляющиеся в Средней Азии только в XVI в., но известные в предшествующее время в Закавказье и Северном Иране (Федоров-Давыдов 1978,35). Вместе с техни-кой мозаики в Поволжье широко применялись "сталактитовые" своды, которые безупречно фиксируются по специфической форме изразцов (Федоров-Давыдов 1976,72,81). И то и другое уже в XIII в. получило широкое распространение в архитектуре сельджуков в Малой Азии (Rice 1968,166-173) и в Закавказье (Бретаницкий 1988,129,130). Это же относится к звездчатым и крестообразным изразцам с над-писью по краю и изображениями людей в поле (Федоров-Давыдов 1978,35). 4. Керамику большинства степных городов можно разделить на две большие группы. К одной относится продукция мастеров, делавших только неполивную керамику при помощи архаичной техники - спи-рально-жгутового налета; к другой - продукция мастеров, освоивших выпуск поливной керамики и более совершенную технику - вытягива-ние на круге. При этом мастера второй группы делали и неполивную керамику. Между собой группы заметно отличаются по ассортименту. Для первой характерны формы, имеющие аналогии в салтово-маяц-кой керамике, для второй - новые, появившиеся вместе с исламом и культурой городов Золотой Орды. Впрочем, эта закономерность соблю-далась не полностью, а лишь как общая тенденция. Смешение тради-ций, связанных с этими группами, было результатом формы организа-ции производства. И в столичных, и в периферийных городах нахо-дятся свидетельства существования мастерских с разделением труда, в которых работало зависимое население (Федоров-Давыдов 1985, Фе-доров-Давыдов, Бухатов 1989, Баранов 1991). В связи с влиянием армянских переселенцев интересна общая для всего государства часть керамического комплекса (поливные и непо-ливные сосуды, получившие распространение в столичных и несколь-ких провинциальных городах). Она лишь в незначительной части мо-жет быть выведена из местного домонгольского производства поко-ренных территорий или объяснена как заимствование форм "междуна-родно модных" образцов (Волков 1992,6; 1992а,101; 1993,8). На сходство этой части керамического комплекса с закавказски-ми и персидскими образцами неоднократно обращали внимание (Якобсон 1950,112-114; Полевой 1971;1968; Федоров-Давыдов 1976,126-128). В Новом Сарае работал гончар, носивший армянское имя Саркис, скорее всего, переселенец из Армении (Крамаревский 1978). Следовательно, и здесь не обошлось без мастеров с террито-рий, подвластных Хулагуидам. 5. Одним из ярких примеров такого переселения было движение общины армян, засвидетельствованное памятной записью одной из ру-кописей Матенадарана (Микаелян 1974,13-14;1965,17-27). В 90-хг. XIII в. значительная их масса переселилась с территорий, подв-ластных Хулагуидам, в Золотую Орду, на Волгу. На новом месте они

- 50 -основали колонию возле столицы Джучидов - Сарая. В 1299 г. эта община снова переместилась, теперь в Азак, а в 30-х г. она пе-реселилась в юго-восточный Крым, где колонии этого населения ут-вердились значительно раньше, еще в 80-х г. XIII в. (Абрамян 1973,13; Сидоренко 1988,116). Как уже было отмечено, часть армян продолжала жить в Азове и после этого. Писец Тертер Ереванци при-ехал в Азов из Еревана незадолго до 1341 г. по морю через Каффу (Хачикян 1950,329-330). В Сарае также осталась часть переселенцев (именно там было написано Евангелие, привезенное в Азов в 1319г.- Хачатрян 1950, 329-330). Надо полагать, количество армян было весьма велико в составе горожан. Такие примеры известны во мно-жестве. К сожалению, по ним довольно трудно представить себе ре-альное соотношение пришлого и местного населения в XIV в. Более определенные сведения есть для XV в., когда, например, в Каффе армяне составляли около 65% населения, тогда как греки, караимы и татары - всего 15%, а генуэзцы - около 4% (Абрамян 1973,25; Mal'jwist 1939,40). Город Азак не был временным пристанищем ар-мян. Многочисленная их община существовала здесь по крайней мере до погрома Тимура 1395 г. В городе была построена церковь в честь Святого Григория Просветителя. 6. Использувавшиеся в эпиграфике почерки

("аюбидский" и "сельджукидский" насх), широко распространенные в Малой Азии в XIII в. и исчезнувшие там до XIV в. (Хачатрян 1987, 43-45), стали весьма популярными на территории Золотой Орды. К ним относятся надпись на портале мечети Узбека в Старом Крыму (Акчокраклы 1927, 14), надгробие из с. Костешты в Молдавии (Крачковская 1960, 48-50), обломки колонны и мраморной плиты из Старого Орхеля (Быря 1991, рис. 7, 97-98; Рябой 1988, рис. 2, 115, 118), надгробие из Азова. Например, самой близкой аналогией камням из Азова и Молдавии является надгробие аюбидского князя Музаффара Гази 623 года хиджры, написанное аюбидским насхом (Berchem 1907, 16, Taf. XII). Сюда же можно отнести и мраморный подсвечник из Нового Сарая (рис. 5) (Греков, Якубовский 1950, рис. 32). Отмечу наиболее характерные особенности почерка, использовавшегося на территории Золотой Орды: 1) сильное расширение столбцов букв кверху, 2) верхний конец ствола завершается отгибом вправо, 3) свободное пространство около букв заполняется побегими "сельджуковского" облика, заимствованными, вероятно, из почерка "цветущий куфи", 4) при начертании многие буквы выдвигаются вперед и сливаются с последующей надписью. Кроме того специфически выводятся некоторые буквы: 1) окончание у букв "даль", "заль", "ра" бывает сильно загнуто внутрь, 2) перекладина "кяфа" может быть изогнутой и совершенно прямой, как в куфи, 3) "айн" и "гайн" часто имеют непропорционально большие размеры и заостренный начальный штрих (ср.: Хачатрян 1987, 43-45; Крачковская 1960, 48, 50). В этом отношении представляют значительный интерес две эпитафии из Азова, на которых следует остановиться подробнее. 1. В 1984 г. в Азовский краеведческий музей была передана часть каменной плиты с надписью, найденная при перестройке дома №84 на Севастопольской улице на небольшой глубине. На расстоянии около трех метров от места находки находилась яма размером приблизительно 1х1 м., заполненная чистой золой. Яма не была докопанна жителями до дна, ее глубина - не менее 1,5 м. Рядом была найдена

- 51 - царская монета с двуглавым орлом, которая не попала в музей.

Приземляных работах на приусадебном участке встречено множество человеческих костей. Другие обстоятельства находки не известны. Плита сделана из низкокачественного мрамора в виде пятиугольника, нижняя часть которого обломана, а верхняя имеет форму двускатной крыши (рис. 6). Сохранившаяся высота плиты - 21 см., ширина 14,7 см., толщина - 3,6 см. Длина граней "крыши" - 10,5 см. Все ребра плиты слегка скруглены. Судя по изложенным фактам, в этом месте находился могильник XIV в. с безымянными погребениями, относящийся к золотоордынскому городу Азаку. Все узкие грани и обломанная сторона плиты сильно закопчены. В этих местах от воздействия огня мрамор стал хрупким и сыпучим. Скорее всего, плита находилась во вторичном использовании в кладке печи, связанной с упомянутой золойной ямой. Вероятно, завалившуюся плиту с расположенного рядом могильника спустя много времени использовали для строительства, судя по монете, это произошло не ранее Азовских походов Петра I. Обе широкие грани плиты покрыты рельефными изображениями, выполненными с помощью углубления фона. По контуру вся площадь разделена горизонтальными полосками шириной 1,3 см на треугольник (сверху) и два прямоугольника. В верхних треугольниках на лицевой и оборотной сторонах помещены однообразные изображения соответственно пятипалого и трехпалого лепестков с каплевидной прорезью и двумя боковыми раздваивающимися побегими снизу. Эти изображения находят аналогии на большом числе памятников резьбы по камню "сельджуковского" стиля с территории Малой Азии, Армении, изгородов Крыма. В каждом прямоугольнике на обеих сторонах расположена строка надписи. Она может быть восстановлена следующим образом: Л.С. 1 1. Написано в месяце 1. 2. джумада первом 2. О.С. 1 1. года шесть и семьдесят 1. 2. и семисотого 2. Джумада первого 776 г.х. соответствует 8 октября - 7 ноября 1374 г. по Р.Х. Надпись сделана почерком насх. При этом следует отметить две графические особенности. В слове первый алиф изображен коротким, приблизительно в треть высоты, и соединен с последующим ямом. Возможно, небольшая высота связана с необходимостью помещения кясыр васлирования под алифом. Во всех трех случаях употребления та-марбута изображена в виде одного зубца с отходящим вниз концом и напоминает букву ра. В двух случаях из трех надта-марбутой находится знак-черта, напоминающий в слове фахту, а в слове дамму. В слове он и не мог быть помещен из-за недостатка места в строке. Скорее всего, это упрощенное начертание двух точек. В слове хамза заменена на йа. Это отступление от правил литературного языка характерно для позднего среднеарабского языка (Лебедев 1977, 56). Остальные указанные особенности в целом складываются в рамки традиций средневековой эпиграфики сопредельных территорий. При этом бросается в глаза редкость и официальный оттенок значения слова : составлено

и дано, написано (об официальной бумаге). Оно ни разу не встречается на средневековых надгробиях и в строительных надписях Северного Кавказа и Крыма (на-

- 52 - сколько можно судить по публикациям) (Эпиграфические памятники 1966; Шихсаидов 1984). Традиционно используется слово , асообщается об изготовлении надписи обычно не в начале, а в контексте. В арабской эпиграфике с территории исторической Армении это слово, напротив, зафиксировано неоднократно (Хачатрян 1987, 101, 103). Следовательно, такая формула надписи может свидетельствовать о распространении эпиграфических традиций с территории Малой Азии и Закавказья.

2. Другой камень, скорее всего, также происходит из Азова (рис. 7). Обстоятельства его находки неизвестны, однако, поскольку он попал в Новочеркасский музей истории донского казачества (бывш. Донской войсковой музей), допустить другой источник поступления маловероятно. Скорее всего, находка была сделана в самом конце прошлого века, между 1895 г., когда копию надгробия мусульманской надписью высылали для прочтения проф. А.К. Маркову (ГАРО, ф. 55, д. 74 л. 2; ГАРО, ф. 55, д. 468: Список монет, принадлежащих Донскому музею, посланных для определения А. Маркову в 1895 г.), и 1910 г., когда был организован Городской музей в г. Ростове. Других пунктов (кроме Азова), где можно было бы рассчитывать на находки мусульманской эпиграфики XIV в. на территории Области Войска Донского не было. Камень представляет собой обломок блока - трехгранной призмы, основание которой должно было крепиться на основе сооружения. Одна торцевая сторона обломана, другая - имеет гнездо для соединения с каменной конструкцией. Сохранившаяся длина камня - 88 см., высота призмы - 14,5-15 см., ширина наклонных граней - 16 см., ширина основания - см. На обеих наклонных гранях призмы помещена надпись в одну строку, разделенная резными розетками. Надпись выполнена путем углубления фона, а над и под строкой оставлено свободное поле шириной 1,5-2 см. Судя по всему, здесь мы имеем дело с обломком верхней части сундукообразного надгробия одного из наиболее распространенных в Крыму типов (рис. 8). Судя по смыслу восстановленной части надписи, камень относится именно к надгробию, хотя использование его в культовой архитектуре нельзя считать исключенным. На обеих сторонах надпись прочитана не полностью.

1 (Сказал пророк: "Смерть - чаша и каждый человек испивает 1 ее... 0")

1 Сказал пророк (да благословит его Аллах и приветствует)

2 Надпись на этом камне - обычная и распространенная эпитафия, и ее содержания нет ничего, связанного с присутствием армян в золотоордынском Азаке. Значительно больший интерес представляет по-черк, он же определяет и дату предмета. К числу ближайших аналогов относятся почерк на портале мечети Узбека в Старом Крыму и упомянутые надписи из Молдавии (Акчокраклы 1927; Краковская 1960; Бырня 1991; Рябой 1988).

7. Интересные наблюдения дает эпиграфика Старого Крыма. С этого памятника происходит самая значительная коллекция погребальных надписей, на части из них указано происхождение покойных. Всего таких случаев зафиксировано 18, из них крымское происхождение отмечено только для 10 человек, в остальных 8 случаях мы имеем

- 53 - дело с выходцами из Малой Азии, Сирии, Ирака, Средней Азии (Акчокраклы, 1927, 1929). (Конечно, даже в случае указания нисбы происхождение погребенного нельзя считать безусловным: известны случаи, когда это дополнение к имени давалось по причине частых поездок в какой-либо заморский город (Гойкин 1981, 42). Но ошибки такого рода, видимо, компенсировались крымскими нисбами освоившихся на месте переселенцев. Например, на одном из надгробий Старого Крыма упомянут Хуссейн, сын Айваза Крымского (Акчокраклы, 1929). А эмигранты второго поколения получали местную нисбу (Акчокраклы, 1927, Отузы 2-3). Естественно, эта выборка не репрезентативна ни по количеству, ни по качеству, однако едва ли реальное положение сильно отличалось от нее. Кыпчакский язык господствовал в степных городах, но пришлое население было очень много, и распространение этого языка прошло так легко только благодаря разноэтничности эмигрантов.

8. Еще одно направление армянского влияния - это распространение символики, прежде всего - в монетных чеканах. На медных монетах Золотой Орды в XIV в. широко распространяется изображение двуглавого орла. Происхождение его от герба Палеологов маловероятно, равно как и аналогичный символ сельджуков едва ли мог быть заимствован монголами без посредничества. Между тем наиболее ранние примеры использования этого символа в геральдике в средневеке происходят именно с территории Армении (Март, 1907, 51). Присельджуках он получает широкое распространение на подвластных территориях, что опять же может быть связано с деятельностью армянских резчиков по камню (Ср. Янина 1960, 21-212; Фасмер 1926, 109-112; Орешников 1899, 13-14). Поэтому предпочтительным оказывается поиск источника заимствований в Армении или, по крайней мере, на территории государств, где армяне составляли значительную часть населения.

Примерами могут быть хулагуидские монеты чекана Ирбиля конца XIII в. (Янина 1960, 212). На золотоордынских монетах, особенно на крымских, тамга Джучидов бывает помещена в треугольник. Знаки, имеющие в основе треугольник, в качестве тамг у тюркских и монгольских народов почти не использовались (Соловьев 1881, табл.). Редки они и у народов Кавказа (Ктиторов 1992, 26). У черкесских армян (черкесогаев) в более позднее время, наоборот, основу тамг составляют треугольники, направленные вершиной вниз (Ктиторов 1992, 26). Следовательно, вполне допустимо, что для организации монетной чеканки в Золотой Орде были привлечены мастера, переселившиеся из Армении. Изображения двуглавых орлов известны не только на монетах. Их же мы находим на керамических трапециевидных формочках, распространенных в золотоордынских городах и исчезнувших вместе с ними (насколько можно судить по материалам Восточной Европы). Трапециевидные формочки встречены на поволжских городищах, в Старом Крыму, на Таманском городище. Назначение этих формочек до сих пор нельзя считать окончательно установленным, но вполне допустимо, что они использовались для литья колокольчиков-ботал на выплеск (Волков 1988, 13; 1992, 52-53, рис. 23; Фомичев 1983, 4). Очевидно, что каждая отдельная "трапеция" могла быть лишь половинкой от литейной формы. Целая форма такого облика могла служить только для литья "на выплеск". В результате отливки должен был получаться предмет колоколовидной формы (в горизонтальном сечении прямоу-

- 54 - гольный). Полное отсутствие находок готовых изделий в культурном слое говорит о том, что основное их использование проходило за пределами города. На арабских, персидских и турецких миниатюрах встречаются изображения подобных предметов. Это ботала на шее крупного рога-того скота или ворворки с конскими хвостами на шее у лошадей. Отсутствие каких бы то ни было следов литого металла на формочках вызывает серьезные подозрения в правильности предлагаемого объяснения, по крайней мере использование их в качестве ворворок представляется более вероятным.\*\*\*\* Орнаменты и изображения, оттиснутые на формочках, чаще всего находят аналогии в тюркской Золотой Орды. Примечательно, что на оборотных сторонах одной пары таких формочек из Азова сохранилась армянская надпись, прочерченная после обжига (инициалы владельца и отдельные буквы - Фомичев 1983, 4). На оборотных сторонах большинства формочек есть прочерченные после обжига знаки, часть которых может быть принята за отдельные армянские буквы. Следовательно, этнографические аналогии этим формочкам следует искать прежде всего в армянской культуре. Кроме того, на трапециевидных формочках мы находим изображения хищников кошачьих, терзающих копытное животное, птиц в антиэстетических позах, орлов, что также относится к распространенным сюжетам армянской резьбы по камню (Verchem 1907; Бретаницкий 1988, илл. 35-39). 9. С деятельностью армянских алхимиков в городах может быть связан один специфический вид керамических изделий - полые керамические шары с небольшим отверстием, внутри которых находятся небольшие керамические шарики диаметра большего, чем у отверстия. Эти шарики помещены внутрь до обжига. В результате предмет напоминает большую глиняную погремушку. Такое сходство подталкивает к тому, что первое объяснение их назначения бывает именно таким. (Лихачев 1886, 33). Такие изделия встречены на Водянском (Федоров-Давыдов, Мухаммадиев, 225, рис. 125 - керам. шар) (рис. 9) и Селитренном городищах (рис. 10., в Маджарах (Микава 1968, 285) (рис. 11; 12, 1; 13) и Азове (Галкин 1975, 258-259, рис. 5, 19-20 на с. 257) (рис. 12, 2-4). Сразу же следует отметить, что по конструктивным особенностям можно разделить на две большие группы. В первую следует отнести шары с несколькими отверстиями и несколькими шариками, эта группа изделий отличается мельшими размерами. Относительно них можно полностью признать точку зрения А.Ф. Лихачева, который считал, что они были "игрушками-побрякушками" (1876, 33). В эту группу входят все азовские находки, изображенные на рис. 11, 2-4. Два из них имеют по 6 отверстий, проткнутых в сырой глине по взаимно перпендикулярным линиям (диаметр отверстий ок. 0,4-0,6 см.), и по 4 шарика внутри (рис. 12, 3-4). Третий шар (рис. 12, 2) имел, скорее всего, только два отверстия диаметром 0,8-1 см. (сохранилась приблизительно половина корпуса). Все они покрыты красным ангобом лощением; обжиг трехслойный, как у основной группы местной неполивной керамики. Сюда же следует отнести шар-погремушку из средневекового дома в Херсонесе, упомянутый Г. Беловым (1972, 54). (В Анапском музее экспонируется средневековая погремушка в виде плоского шарообразного закрытого сосудика с несколькими отверстиями и шариками внутри).\*\*\*\*\* Вторую группу составляют все

- 55 - прочие находки - это сосуды с одним отверстием и одним шариком. Рентгеновский снимок совершенно целого шара с городища Маджары показал, что внутри него находится только один шарик, а внутренняя поверхность неровная (рис. 11, 1).

Л.Л.Галкин высказал предположение, что эти шары были связаны с тибетской разновидностью буддизма (Бон-по), причем он не делал различий между шарами с одним и несколькими отверстиями (Галкин 1975, 258-259). Это мнение не получило поддержки, хотя никем и не оспаривалось. Едва ли оно может считаться обоснованным: ведь тогда придется признать, что тибетская разновидность буддизма была распространена в Золотой Орде значительно шире, чем христианство, а может быть, и мусульманство, поскольку культовые вещи, связанные с этими мировыми религиями, в культурных слоях городищ встречаются редко. Полный шар с отверстиями из Старой Казани был определен исследователями как свистящий снаряд без комментариев (Фахрутдинов, Кокорина 1985, 182). Оспаривать это мнение не берусь, т.к. сама находка осталась для меня недоступной, а, если судить по иллюстрации, она слишком значительно отличается по размеру от всех остальных рассматриваемых образцов. Более осторожно высказывалась о назначении этих изделий Т.М.Минаева - она считала, что маджарский шар предназначался для хозяйственных целей (1968, 285). С таким широким толкованием трудно не согласиться, а задача предлагаемой статьи - определить, каким именно было это хозяйственное назначение. Главной подсказкой в этом вопросе является находка с Селитренного городища (СГ-81, Р-ХI, яма N 62, N 455, "двойной керамический шар" по описи (рис.10,1). Это шар, представляющий собой обмазанный глиной миниатюрный сосудик. Последовательность изготовления предмета такова. Сначала на гончарном круге (из обычного для неполивной керамики Селитренного городища теста) был изготовлен маленький кувшинчик без горла. На нем хорошо видны следы ротации. Затем в него был положен керамический шарик диаметром ок. 2,5 см., а после этого диаметр "горлового" отверстия был уменьшен путем вытягивания глины пальцами без круга до 1,4-1,7 см. Следы пальцев на образовавшемся "венчике" также хорошо видны (рис.10,1). Далее этот сосудик был обмазан толстым (1,1-2,3 см.) слоем глины другого состава, значительно более пористой. Внешняя поверхность была хорошо заглажена гладким предметом до придания изделию правильной шаровидной формы, следы от инструмента, использовавшегося для лощения, отчетливо читаются на поверхности. После этого в боковой части предмета было проткнуто сквозное отверстие диаметром ок. 0,4 см. Далее последовал обжиг, при котором внешняя поверхность изделия приобрела белесый оттенок, причем стенки сквозного отверстия прокалены заметно сильнее, чем остальные части сосуда. Это наталкивает на догадку о том, что во время обжига отверстие было заткнуто металлической пробкой (предметом, который, благодаря небольшой теплоемкости, легко передавал свое тепло на соседние предметы). После обжига внешняя глиняная обмазка была разбита, причем после этого разбивать внутренний глиняный сосудик не потребовалось, т.к. горловая часть оказалась уже открытой. Это свидетельствует о том, что обмазку разбили только для того, чтобы облегчить изъятие содержимого внутренней полости из-

- 56 - деция. Ближайшую аналогию описываемому предмету мы находим в трактате X в. "Описание ремесел", составленном персидским ученым Тифлиси. Пористая глиняная обмазка сосуда более всего напоминает "глину мудрости" (гил-и хикмат), упомянутую у этого автора. Ею обмазывали сферический конус (склянку в форме турунджа) при изготовлении киновари (Тифлиси 1976, 69 [I, 13]), склянку с золотой амальгамой (75 [I, 32]), сосуд при выплавке искусственных камней (79-80 [II, 4, 6, 7]), чашку при окраске яхонтов и изумрудов (81-82 [III, 1, 2, 5, 6]), кувшин с хрустальной и эмалевой массой при варке (85 [IV, 7, 8]), сосуд для варки масла и орехи при помещении их в огонь (92 [V, 3]; 129 [XVI, 12]; 136 [XVI-11, 5]). Кроме того, из этой глиняной обмазки делали специальную коробочку при производстве хрусталя (84 [IV, 1]) и упомянутый сосуд для получения киновари (68 [I, 8]). В аналогичном контексте упомянут сосуд из глиняной обмазки в средневековом рисале по искусству (Тифлиси 1976, 178, [прил. I, 18]). Сходным было использование глиняной обмазки (философской глины) у средневековых армянских алхимиков - ее использовали также для изготовления сосудов-реакторов в формшара, ею обмазывали медную посуду, в которой готовили розовую воду и т.п. (Казанджян 1955, 125-129). В рукописях приводится также способ изготовления шарообразных сосудов-реакторов из философской глины по восковой модели, однако для них указываются меньшие размеры (Казанджян 1955, 128-9). Если мы посмотрим на то, что же объединяет технологические процессы, связанные с глиняной обмазкой, то неизбежно заметим, что это температурный режим проведения реакций. Тифлиси оставил такие характеристики режима обжига: "медленный огонь" (I, 7 - с. 68; III, 6 - с. 82; VI, 3 - с. 92), "чтобы огонь не был сильным" (II, 6-7 - с. 80), "маленький огонь" (IV, 1 - с. 84). Все описанные реакции длительны и проходят при невысокой для горна температуре. Вполне естественно, что в таких случаях было удобно использовать пористую обмазку из "глины мудрости", т.к. она пропускала газы, создающие избыточное давление, и препятствовала росту



микрот-рещин в случае перепада температур (Arnold 1985,23).Этой целиполностью соответствует способ приготовления обмазки из глины мудрости, приведенный у Тифлиси. Он пишет, что для этого использо-вали глину печников (тондырную глину), в которую добавляли проскурняк, соль и мелко порезанные волосы (Тифлиси 1976, I, 13 -с.69). Рецепт философской глины (или глины мудрости) у армянских алхимиков несколько отличается от вышеуказанного. Для ее приго-товления брали красную или белую сырую глину, растирали ее с во-дой и высушивали, затем повторно протирали, просеивали через мел-кое сито, разводили с водой. Затем ее смешивали с опилками в ко-личестве вчетверо большем, чем сама глина, и оставляли на один день и ночь. Далее по рецепту: "1"...возьми сухого навоза, измельчи 1 его и просей, хорошо разотри и раствори его с глиной, и смешай его 1с солью в пропорции - одну часть соли на десять частей навоза. 1Получится наилучшая глина" 0 (Казанджян 1955,125). Как видим, при имеющейся разнице, основные принципы отошения едны - это примесь соли и измельченных органических веществ (на-воза и опилок у армянских алхимиков, волос и проскурняка у Тиф-лиси).\*\*\*\*\*

- 57 - Добавление соли (или соленой воды) в керамическую формовочную массу было неоднократно зафиксировано этнографами на Ближнем и Среднем Востоке (и в ряде других мест) (Arnold 1985,26-8; Rye 1976,121-26; Rye 1976,a,39; Matson 1971,66-7). Гончары-арабы на-зывали две причины, по которым они это делают: во-первых, сосуд из глины с добавлением соли сохраняет жидкость холодной, во-вто-рых, он приобретает более светлый цвет (Rye 1976,121-2). (Поэтомунеобычно белесый цвет селитренной находки можно связывать с до-бавлением в глину соли). Исследователи керамики отмечают, что до-бавление соли снижает температуру витрификации керамики, а также обеспечивает закупорку пор у поверхности сосуда (Arnold 1985,27;Rye 1976,131). Оба эти качества делают керамику значительно более прочной. При работе с сильнопористой керамикой, естественно, сущест-вовала необходимость скомпенсировать рыхлость прочностью. Рациональное объяснение находит и шарик, помещаемый внутрь сосуда. Он обеспечивал лучшее перемешивание в случае кипения со-держимого сосуда. С его помощью можно было перемешивать содержи-мое шара, если отверстие было заткнуто металлическим стержнем, неизвлекая его из горна. Но главной причиной помещения его внутрь реактора было, видимо, стремление предотвратить бурное закипание. Любые нейтральные предметы, помещенные в жидкость внутри сосу-да-реактора, препятствуют неконтролируемому бурному кипению, а в практике средневековых мастеров для этой цели использовали свин-цовые шарики (Казанджян 1955,134). На одном из маджарских шаров (рис.11,2) сохранились потеки стекловидной массы, что может быть результатом проведения реакции варения эмали или следствием помещения сосуда в горн, где обжигалась глазурированная керамика. После сопоставления данных письменных источников с конкретны-ми вещами напрашивается сравнение селитренной находки со сферо-конусом. И поиск сходного дает свои результаты. Известны сфероко-нусы с горлом без дырки и отверстием сбоку, а также сфероко-нусы с горлом сбоку (Джанполадян 1958,202). Не исключено, что результа-том неудачного опыта такого рода является сфероко-нус, покрытый шлаком, с городища Орен-Кала (Гюзальян 1965,87, рис.64 на с.88). Следовательно, и шары, и сфероко-нусы могли быть реакторами; и взтом случае у них появляются общие признаки. Представляет интерес еще одно сопоставление археологической находки с описанием из средневековых армянских рукописей. Уже был упомянут способ изготовления шарообразных сосудов-реакторов повосковой модели ( "1"Возьми воск, сделай шарик с орех, и для него 1сделай кафтан из философской глины, и проколи его шилом. Когда[глина] 1высушится, вынь шило, чтобы осталось на его месте от- 1верстие, и поставь в огонь. Воск расплавится и глина останется 1пустой; и налей внутрь ртути и заделай отверстие" 0) (Казанджян 1955,128-129). Одна из находок с Селитренного городища предст-авляет собой обломок керамического шара, на внутренней поверхности которого образовались своеобразные складки (рис.10,2). Не исклю-чено, что они образовались при формовке сосуда таким образом. Можно предположить, что будут сделаны находки керамических шаров отпечатками ткани изнутри, т.к. у алхимиков существовала прак-тика изготовления сосудов путем обмазывания огнеупорной глиной яичной скорлупы обернутой тканью (Казанджян 1955,123).

- 58 - Все это позволяет утверждать, что керамические шары с одним отверстием были сосуда-ми для проведения реакций. Однако необходи-мо отметить, что реакции, избранные для описания в трактатах, достаточно специфичны. В постоянной же бытовой практике эти сосу-ды могли использовать и для получения каких-то более простых пре-паратов, не вызывавших интереса авторов рукописей. Это вполне ве-роятно по той причине, что каждый средневековый алхимик на Восто-ке (армянский особенно) был еще и ремесленником и мог использо-вать специальные знания в обыденной ремесленной деятельности (Ка-занджян

1955,123). Соотнесение "глины мудрости" с работой исключительно армянских алхимиков может на первый взгляд показаться натянутым. Естали использовать во всех странах в связи с распространением ал-химии. Даже в "Кентерберийских рассказах" Дж.Чосера в речи слугиалхимика имеется ее упоминание: ...Подвечивай, цеди и дистиллируй  
Сквозь глину, мел, а то и сквозь белок, Сквозь соль, буру, поташ, золу, песок,  
Сквозь реальгар, вошеную холстину И с волосами смешанную глину, Сквозь  
разный уголь, воск, сухой навоз... (Чосер 1946,439). Однако даже

там, где ею пользовались представители других на-родов, представление об армянском происхождении этого препарата во многих случаях сохранялось. Например, в медицинском трактате, написанном на рубеже X-XI вв. в Испании, говорится об использовании для приготовления пластырей "армянской или малоазиатской глины" (Абул-Касим 1983,221). Это является еще одной иллюстрацией того, что при определении предметов, связанных с присутствием армян или их влиянием в целом, часто приходится иметь дело с "интернациональными" чертами культуры, распространившимися тем не менее с территорий, где армянское население было наиболее многочисленным, в первую очередь - из Закавказья и Малой Азии. Очевидно, что появление этих черт культуры в Золотой Орде связано главным образом с армянскими переселенцами, но не только с ними. При рассмотрении этой проблемы важно помнить, что XIV в. был временем, сильно отличающимся от настоящего с точки зрения отношения людей к национальности и происхождения. Это было время наиболее легкого заимствования у соседей достижений культуры и имен. "Тому свидетель - единением сульманского аллаха, имя которого начертано в арабской и персидской надписях, с христианским богом грузин и армянским бо-гом, имена которых начертаны в надписях на соответственных языках, в качестве дружно карающих нарушителя воли эмира, все - настене одной и той же мечети Мануче в Ани" (Орбели 1978,3). 10. Определенный интерес в связи с рассматриваемой проблемой представляют сведения европейских авторов XVII-XVIII в. об этническом составе населения городов и селений Таманского полуострова. Арби де ла Мортэ сообщает что Тамань представляла собой не-большой, но очень населенный город, который "можно было бы наз-вать колонией армян, грузин, мегрелов и черкесов, так как они составляют большую часть его населения, что наблюдается также в Темрюке, деревнях Адды..." (Арби де ла Мортэ 1974,125). Аналогич-

- 59 -ые сведения приводит Мартин Броневский (1974,55), Ферран(1974,110) и другие. Скорее всего, это население сохранилось современ золотоордынского владычества, т.к. в последующее время население здешних городов только сокращалось и существенный при-ток армянского населения из Крыма маловероятен. Хотя невозможно точно определить долю армян в городском населении Золотой Орды, становится очевидным, что их влияние было существенным: камень из Темрюкского музея становится еще одним фак-том, свидетельствующим о присутствии армян в составе горожан настепных землях Джучидов.

ПОДПИСИ К РИСУНКАМ Рис.1. Хачкар из Темрюкского музея. Рис.2. Варианты стилизации изображения виноградной лозы. Рис.3. Мраморная капитель из Азова. Случайная находка. Рис.4. Резная ступа из известняка. Рис.5. Мраморный подсвечник из Нового Сарая (64, рис.32). Рис.6. Фрагмент мраморного надгробия из Азова. Случайная находка. АКМ. Рис.7. Фрагмент мраморного надгробия. Случайная находка. Скорее всего, происходит из Азова. Рис.8. Распространенная в Крыму и в меньшей степени в степных районах Золотой Орды форма надгробий. Рис.9. Керамический шар с Водянского городища (83,с.225,рис.125). Рис.10.1.Керамический шар с Селитренного городища. СГ-81,Р-ХI, яма N62, N455 (84,л.88). Диаметр - 12,5 см. 2.Фрагмент керамического шара с Селитренного городища.СГ-90,п.м. (отвал раскопа XV (мечети)). Диаметр ок. 14 см. Рис.11.1.Рентгеновский снимок шара с городища Маджары (БГКМ,ОФ-122). Диаметр - 14,5 - 14,6 см. 2.Керамический шар с городища Маджары (86,с.285). Рис.12.Керамические шары. 1.Маджары (БГКМ, ОФ-122). 2.Азов. Аз-84, Л-я, жил.3, N116. Диаметр - 9,9-10,2 см. 3.Азов. Аз-85, Л-я, случ.нах. из ямы. Диаметр - 8,2-8,4 см. 4.Азов. АКМ, КП-24568, ОА-399/2. Диаметр - 7,5-7,9 см. Рис.13.Керамический шар из Маджара.

ПРИМЕЧАНИЯ \*  
Пользуюсь случаем выразить благодарность М.А.Рыбалко, ока-завшей мне необходимое содействие при работе в фондах Темрюкского музея. \*\* Пользуюсь случаем выразить благодарность Н.М.Фомичеву, предоставившему мне текст своей сданной в печать статьи, где при-водятся переводы памятных записей армянских рукописей, выполнен-ные Э.М.Корхмазян по изданию Л.Хачикяна. \*\*\* Таковую формочку из Солхата А.И.Баранов ошибочно отнес ко

- 60 - времени существования салтово-маяцкой культуры и назвал формочкой для литья наконечников ножен мечей (Баранов 1990,83-85). С этим невозможно согласиться еще и потому, что в Солхате не встречены слои салтовского времени.

Наконечников ножен такого размера также бывает. \*\*\*\* Хранение: КМ 8410; Куток -87.  
Пользуюсь случаем выразить благодарность А.М.Новичихину, ознакомившему меня с этой находкой. \*\*\*\* Проскурняк (просвирняк) - травянистое растение семейства мальвовых (Даль 1955, т.3, 510).